

И Н Ф О Р М А Ц И О Н Н Ы Й
И М М У Н И Т Е Т

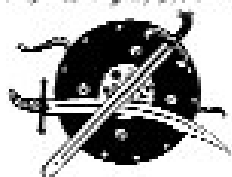
ВОСПИТАНИЕ И ФОЛЬКЛОР: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Новая книга Владимира Анатольевича Куца называется «Самозащита культуры». В ней автор рассматривает историко-культурные аспекты воспитания, традиционную этику, способную стать для всех нас тем самым искомым механизмом самозащиты... В последние месяцы, принесшие нашей стране невиданные трагедии, тема самозащиты стала особенно актуальной. В диалоге В.А. Куца и А.А. Замостьянова проясняются культурные основы, в которых остро нуждается современное общество.

Владимир Куц

Жизнь наших предков протекала среди народов, не отделённых ни горами, ни морями, народов, с которыми нужно было или делиться, или биться, или им подчиниться. Подчиняться Русь не хотела, биться — периодически вынуждала неумная жадность различных соседей, а чтобы делиться, необходимо было развиваться быстрее других, умножая достигнутое и создавая новое. Русь не имела колоний, не жила военной добычей. Основу жизни составлял труд на скудной земле в условиях суровой природы. Производительность этого труда достигалась за счёт высокой системности и устойчивости, а творческий характер и динамичность — за счёт величайшего разнообразия компонентов культуры. Ориентиром системного единства была для русских людей религия. О русской религиозности и о месте религии в человеческой культуре написано необъятно много, но большинство авторов тяготеет к одной из двух крайностей. Или описывается утешительная роль религии: «терпи и воздастся тебе», или устрашающе-сдерживающая: «Бог — он всё видит, за всё спросит, за всё воздаст». Для России актуальной была третья позиция, как дорога меж двух кюветов. Православное слово «смирение» призывало ориентироваться на достижение собственного гармоничного единства с миром. Но единство это нарушается как изменениями в мире, так и в самом человеке. Поэтому для достижения гармонии с миром необходим был постоянный творческий труд, развитие и взаимодополнение всех его видов и форм, а также *постоянный рост способности и готовности к эффективной защите. Поэтому бой в русской культуре имеет совершенно особый смысл.*

Ни одна страна мира не может сегодня в полной мере одолеть преступность, алкоголизм, наркоманию, психические, в том числе психогенные заболевания. И это

притом, что средств у людей становится всё больше. Но, на мой взгляд, людям сегодня недостаёт устремлённости к высшему идеалу, устойчивых «перил», которые не дают им падать, панически цепляясь за что попало и разрушая мир вокруг себя. На этом фоне уместно вспомнить поразительное явление культуры, хранимый в народе образ кулачного бойца, *образ защитника*. Современному обществу как никогда нужен такой образ.

Слово *сущность* чаще всего используют философы. Оно означает выделенную часть реального или мнимого мира или какой-то системы, значимую для субъекта с точки зрения достижения его целей. Однако в народе, даже среди людей, чуждых философии, давно бытует сокращение этого слова — *суть*.

«Говори по сути». И связь этого слова с потребностями достижения цели нередко отражается в замене выражения «говорить по сути» выражением «говорить по делу». Целей, для которых может понадобиться часть, выделенная из обширного мира, может быть много.

К примеру, ложка — это инструмент для еды, товар на продажу, образец декоративно-прикладного искусства, украшение праздничного стола, сувенир, наконец, музыкальный инструмент, сопровождающий танец, пляску (русские ложечники). Если же вещественный предмет соединяется с его действием, да ещё на таком уровне, как человеческое действие, то вольно или невольно, сознательно или подсознательно он воспринимается одновременно во множестве жизненно важных контекстов.

И в этом плане *традиционный русский кулачный бой не только участниками, а и зрителями (особенно зрителями) воспринимался во множестве контекстов одновременно*. Это и демонстрация наличия силы, необходимой для защиты семьи, рода, общины и здоровья как основы продолжения рода. Это и свидетельство результатов выучки (не обучения, а именно выучки), ради которой и отдавали своих детей в обуче-

ние. Это и показ новым поколениям уровня мастерства, к которому они должны стремиться. Это и дополнительные основания для выбора женихов да работников. Это, наконец, просто эстетически понятное и нравственно полезное зрелище, в отличие от роботизированного насилия, заполонившего сегодняшние «произведения искусства».

Кулачного бойца в деле следует рассматривать с разных позиций: видеть всё происходящее его собственными глазами, глазами соратников и противников, глазами детей и подростков, глазами молодежи и стариков. Естественно, что отдельные черты русских кулачных бойцов в сопоставлении с прочими их человеческими качествами обобщались в собирательных образах, например, в знаменитой «Песне про купца Калашникова...» М.Ю. Лермонтова. На фоне обстановки, других людей и действий этот образ становился и обобщением, и оценкой этого обобщения, и моделью-эталоном для формирования и выбора собственных будущих целей, и эмоциональным стимулом для достижения этих целей. Такой образ — это связь прошлого и будущего: прошлого опыта и будущих достижений.

В образе кулачного бойца не было места злобе, ненависти, презрению, не было и стремления к разрушению, уничтожению. В традиционной русской культуре образ кулачного бойца — это *образ защитника* — сильного, ловкого, великодушного и заботливого. И былинные богатыри не о своей победе думали, а о защите тех, кто стоял за их спинами. К этому надо добавить, что культура русского кулачного боя подразумевала завтрашнее дружеское сотрудничество в хозяйственных работах с сегодняшним «противником» по праздничному бою. Напомню, что публичные бои проводились по праздникам и составляли по времени малую толику от нелёгкого созидательного труда. *Стремление к совершенству не переходило в стремление к чемпионству. Совер-*

шенство меряется собой и своим прошлым, чемпионство — соотношением с другими претендентами.

Кулачный боец — это близкий и родной защитник. Таких почти в любой крестьянской общине было с десяток. Сейчас представитель правоохранительных органов — милиционер или полицейский — отчуждён от каждого из нас своей редкостью и тем, что вынужден действовать по праву, а не по любви, как действуют члены семьи, рода, общины, братства. Практически каждый современный человек и его семья лишены

мгновенной, сиюминутной и проявляющейся через любовь защиты. Примерно в таком же положении находится и современная культура. В значительной степени она лишена возможности самозащиты и потому стала столь уязвимой.

Восприятие образа кулачного бойца ориентировано не только на его внешние действия, но и на стоящую за ним культуру и направляющий всё это интеллект. Неоценимо воспитательное значение этого образа, в нём слиты воедино интеллект, культура и деятельность, а вместе — это жизнь человеческая.

Арсений Замостьянов

Основа любой культуры восходит к фольклору. Корневая система нашей традиции, фундамент воспитания — всё это фольклор, народное творчество, предшествующее и сопутствующее литературе.

Рассуждения о русском кулачном бое напомнили мне о традиции использования героических образов в прикладных целях (они служили той или иной идеологической, политической, просветительской программе). С этой традицией связаны самые представительные галереи героев древнерусской литературы — персонажи произведений житийного жанра и летописные князья. О связи героического и религиозного в древнерусской литературе писал П.Н. Сакулин: «Святой всегда подвижник, мученик, воин Христов. Житие, в сущности, и есть героический эпос, только религиозный. Так понимали это дело сами книжники. Кирилл Туровский (XII век) своё «Слово на собор святых отцов» начинает характерным рассуждением: «Летописцы и песнетворцы, следя за войнами, которые ведутся между царями, украшают словами слышанное, возвеличивают тех, кто крепко боролся за своего царя и не обращался в бегство от врагов, и похвалами венчают их; тем более подобает прилагать хвалу к хвале в честь храбрых и великих воевод Божьих, которые крепко подвизались за Сына Божия, своего царя, господина нашего Иисуса Христа». Мы видим, что творчество религиозных писателей, слагавших жития, и «песнетворцев», таких, как легендарный Боян и автор «Слова...», героический эпос и церковная литература имели целый ряд стилистических общностей. Заметим, что связь героического и православного наблюдается и в поэзии XVIII века (Ломоносов, Херасков, Княжнин и др., а в особенности — Державин в своих «суворовских» произведениях) и в позднейшей русской поэзии (Жуковский, Пушкин, Ф. Глинка, Некрасов и др.).

О примате функциональной идеологии над эстетикой в древнерусской литературе писал и Д.С. Лихачёв: «При этом, конечно, следует иметь в виду, что средневековая христианская эстетика отрицала искусство как источник эстетического наслаждения. Поэтому христианская эстетика в значительной степени прикладная»¹. Эстетика, связанная с широкой культурной программой (в масштабах страны или, как в случае с христианством, в мировых масштабах), обречена быть «в значительной степени прикладной». В противном случае все культуртрегерские амбиции обречены на неудачу; ведь для их реализации требуются механизмы, институты, школы.

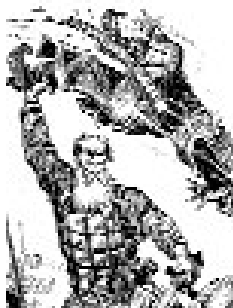
«Повесть временных лет» сохранила для нас те представления об идеальном князе — владыке, дипломате и воине, которые складывались у нескольких поколений но-

1

Лихачёв Д.С.

Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 68.

2

Лихачёв Д.С.
Поэтика древнерусской
литературы. М., 1979.
С. 259.

сителей культуры Древней Руси. Это Юрий, Олег Вещий, Святослав, Ольга, Владимир Святой, Ярослав Мудрый. Культ каждого из них в своё время формировал государственную идеологию. Рядом с образами монархов, князей в летописях фигурируют и иные герои — радеватели за православную веру (в частности, и собственно духовные лица), некоторые дружинники, такие, как легендарные Свенельд, Добрыня и Гостомысл — уважаемый, авторитетный, родовитый горожанин, решающий судьбу государства. Герои-монархи и герои некоронованные сохраняются и во времена, когда рядом с грандиозными образами Петра Великого и Екатерины встали образы Шереметева, Меншикова, Ломоносова, Румянцева, Суворова, Потёмкина и других — каждый из них выражал определённый героический мотив. Но на первом плане в летописях, конечно, оставались образы князей, отразившие идеологические поиски *истинного, правильного* владыки. Образ идеального князя со временем менялся, наполнялся новыми чертами. Идеалами языческой Руси остаются Олег Вещий и Святослав. Первый — как мудрец, организатор, второй — как герой-воин, который сознательно принял смерть на поле боя «за други своя».

В «Повести временных лет» важное место занимают образы героев-умиротворителей, насаждающих истинный порядок, избегающих крови, радеющих за «возлюбленную тишину» (определение М.В. Ломоносова). Такие герои, как поздний Владимир Святой, милосердный собиратель земель, просветитель Ярослав Мудрый, способный к компромиссу, к усмирению собственной гордыни ради общественного блага Владимир Мономах, пользуются в обществе огромным влиянием и заслуженным уважением. Их высоко ставит и летописец; они — герои христианские, герои-просветители. Разумеется, они не чужды и военных доблестей, но главное в них — не отвага (отважны и их антиподы — охваченные гордыней одиночки). Система моральных

критериев, с которыми подходит к героям летописец, схожа с системой автора «Слова о полку Игореве». Несмотря на отрицательное восприятие Святослава как язычника, летописец не скрывает своего восхищения первозданной эпической красотой этого героя. В этом проявлялась эстетическая гибкость летописца, отдававшего должное и героям, отвечавшим авторским представлениям об идеале (Владимир Мономах), и героям, принадлежащим иной культуре, иным ценностям. Об объективности летописца пишет Д.С. Лихачёв: «Летописец смотрит на историческую жизнь с такой высоты, с которой становятся несущественными различия между большим и малым, — всё кажется уравненным и движущимся одинаково медленно и эпично»². Эпос героизирует и военную доблесть, и политическую мудрость, замешанную на терпеливости и взвешенности (высокая оценка этих качеств отразилась в русском фольклоре, прежде всего в пословицах и поговорках). Эти психологические типы русских героев дошли до наших дней: на описании их противостояния и сотрудничества строится большая часть отечественной героики.

В основе народных представлений о дидактике лежит идея совершенства, к которой следует стремиться. Герои русских летописей, одной из функций которых было поучение правителям, наиболее точно отражают менявшиеся представления об идеальном герое, характерные для культуры Древней Руси.

Поэтическая героизация персонажей русской истории иногда шла параллельно процессу создания житий и канонизации многих из этих героев. Князь Дмитрий Донской, канонизированный в конце 1980-х годов, в период празднования тысячелетия крещения Руси, — яркий пример временной продолжительности этого процесса. Поэты создавали героический образ Дмитрия Донского на протяжении всего XVIII века — и этот высокий образ предшествовал житийному. Яркой страницей в истории отечественной героики

стала трагедия Владислава Озерова «Дмитрий Донской», получившая огромный публичный резонанс. Но Озерову не удалось бы создать образ князя-победителя, если бы Дмитрий Донской был забыт или остался лишь в скурых и редких летописных строках.

Д.С. Лихачёв в работе «Человек в литературе Древней Руси» показывает, что действительно яркой галерея летописных героев становится в XVII веке: «Прямолинейность прежних летописных характеристик по немногим рубрикам (либо законченный злодей, либо герой добродетели) исчезает в произведениях начала XVII в. Прямолинейность предшествующих характеристик отброшена — и с какою решительностью! Вслед за второй редакцией «Хронографа» наиболее резко сказывается новый тип характеристик во «Временнике» Ивана Тимофеева. Характеристика Грозного составлена Иваном Тимофеевым из риторической похвалы ему и самого страстного осуждения его «пламенного гнева». <...> Тимофеев даёт разностороннюю и очень сложную характеристику Борису Годунову и утверждает, что обязан говорить и о злых, и о добрых его делах: «И яже злоба о Борисе извещана бе, должно есть и благоденний его к миру не утаити»³. <...> Автора уже не смущает изменчивость характеров, как не смущают и контрасты в них»⁴.

Историческим событием, оказавшим огромное влияние на отечественную культуру, была Куликовская битва. Отклики на это событие составили целый литературный цикл⁵. В этом историческом событии отразился феномен национальной идеи и национальной русской героики. Самым ярким литературным откликом стала поэма «Задонщина»⁶, но и фольклорный резонанс Куликовской битвы был многозначителен и весом. Академик Б.А. Рыбаков писал о последствиях Куликовской победы: «Общерусский подъём сказался в развитии литературы, науки и искусства.

Достаточно назвать только одно имя Андрея Рублёва, чтобы почувствовать, каких высот достигла русская культура непосредственно после Куликовской битвы. Крепла идея объединения разрозненных русских земель в мощное единое государство. В силу этого вспомнилось и «Слово о полку Игореве» с его призывом к единству»⁷.

Образ победы как национальной идеи получил импульс для развития именно в ходе осмысления значения Куликовской битвы. С этого времени русская героика — это героика победителей; героев, стремящихся к победе как к достижимому идеалу. Таким героям свойственна мобилизационная психология: они способны ярко проявить себя в экстремальной ситуации, совершить чудо, собрав для этого все силы, все скрытые в человеке резервы.

Современный исследователь пишет: «Куликовская битва — яркая вспышка той материальной и духовной энергии, которая была накоплена созидательным и ратным трудом нескольких поколений русских людей. Составляющими той великой силы, которая на Куликовом поле надломила вековое могущество Орды, были повседневный, упорный труд крестьянина и ремесленника, горячее слово патриота-проповедника, доблесть воина и мастерство художника»⁸. С какой точностью эти смыслы закольцовываются на народном искусстве, на систематически повторяемом сюжете кулачного боя.

Владимир Куц

Современность ведёт активное наступление на чувственно-эмоциональную часть подсознания, поэтому существует реальная опасность остаться этически безграмотным, особенно для человека, оторванного от религии.

Первым учителем этики является мать. Она попросту любит своё дитя, радуется и улыбается ему, жертвует собой. Первая школа этики — это семья. Это

3

Временник Ивана Тимофеева / Подготовка к печати, перевод и комментарии О.А. Державиной. М.: Л., 1951. С. 17.

4

Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 16, 17.

5

Собрание произведений, связанных с Куликовской битвой, см.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. См. там же — исследования Д.С. Лихачёва, В.Т. Пашуто, Л.А. Дмитриева, Р.П. Дмитриевой. С. 255–369.

6

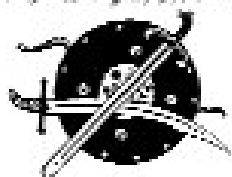
Библиографию работ по «Задонщине» см.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 557–583.

7

Рыбаков Б.А. Куликовская битва // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1980. С. 15.

8

Борисов Н.С. Воздействие Куликовской битвы на русскую культуру... // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 123.

отношения с братьями и сёстрами, родителями, бабушками и дедушками. Дети, лишённые общения с братьями и сёстрами, бабушками и дедушками, имеют все шансы вырасти этически неполноценными. К сожалению, ребёнок в современной семье редко имеет братьев и сестёр, а с бабушками и дедушками встречается лишь по праздникам.

Искусство — один из каналов воздействия на чувственно-эмоциональную часть подсознания. Особенно сильно воздействует искусство, порождённое традиционной культурой. Но если ребёнок с самого раннего возраста слушает традиционные сказки, песни, музыку, то взрослый человек практически оторван от них.

Посмотрим с этой точки зрения на творчество Ф.М. Достоевского. Общеизвестно, что он достиг вершин художественного описания духовного мира человека. Каким образом? Одна из причин — *использование традиционных фольклорных мотивов*. Чувства героев Достоевского — это чувства сказочных, любимых с детства героев, перенесённые в наши будни. И эти чувства сразу превращают скучную повседневную жизнь в сказочное, волшебное действие. Герои Достоевского сами открывают нам эту тайну: «*В этих углах, милая Настенька, выживаете как будто совсем другая жизнь, не похожая на ту, которая возле нас кипит, а такая, которая может быть в тридесATOM неведомом царстве, а не у нас в наше серьёзное-пресерьёзное время*» («Белые ночи»). Выбирая в качестве эпиграфа к повести «Бедные люди» цитату из В.Ф. Одоевского, Достоевский прямо указывает на связь со сказкой: «*Ох уж эти мне сказочники! Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усадительное, а то всю подноготную в земле вырывают! Вот уж запретил бы им писать! Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумываешься, — а там всякая дребедень и пойдёт*

в голову; право бы, запретил им писать; так-таки просто вовсе бы запретил».

Достоевский не пишет о деревне, его герои — люди города, люди трущоб, оторванные от традиции. Внешне в его творчестве нет ничего фольклорного, традиционного, но если взглянуть глубже, окажется, что своих героев он наделил самыми сокровенными, самыми затаёнными чертами традиционного человека: *добротой, обострённым чувством вины, жалостью, сердечностью, сочувствием, сопереживанием, которые нередко переходят в слёзы*. Но чувствуют себя виноватыми, жалеют, сочувствуют, сопереживают, плачут и в русских сказках, и в произведениях Достоевского только положительные герои: зайчик, коза, сестра, Иван-царевич, Лиза, Настенька и многие другие. «*Идёт дорогой зайчик да плачет*» («Лиса, заяц и петух»); «*Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, начала горько плакать...*» («Волк и коза»); «*Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от отца и матери, — братец не откликнулся!*» («Гуси-лебеди»); «*Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал?*» («Царевна-лягушка»); «*Иван-царевич вельми сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошёл пеший*» («Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке»); «*Пишете вы, что сокрушались и плакали; а я вам пишу, что я тоже сокрушался и плакал... Мы уж как вместе с ним плакали! Вас вспоминали. Он предобрый, он очень добрый человек и весьма чувствительный человек... Я, маточка, сам всё это чувствую; со мной потому и случается-то всё такое, что я очень всё это чувствую... Я так была поражена его предположением, что, сама не знаю отчего, заплакала. Он принял мои слёзы за благодарность и сказал мне, что он всегда был уверен, что я добрая, чувствительная и учёная девица, но что*

он не прежде, впрочем, решился на сию меру, как разузнав со всею подробностью о моём теперешнем поведении...» («Бедные люди»).

Оценка событий в русских народных сказках и у героев Достоевского одинакова — чувственно-эмоциональная, сердечная, духовная. Нужны ли нынешним людям города традиционные чувства? Помогают или мешают они в современной жизни? Современность даёт следующий ответ: «Москва слезам не верит», который можно обобщить: современное общество, а ещё точнее, аппарат управления обществом — *слезам не верит*.

Государственный аппарат управления действует по праву. *Но русскому человеку права мало, он хочет отношений по любви*. Переход от любви к праву — это переход от сердечных отношений к государственным. Правовые отношения сковывают свободу. «Право — гарантия минимума свободы», — писал Н. Бердяев. В условиях современной российской действительности для большей части населения отношения только по праву без любви будут создавать условия на грани возможного существования. Почти каждая русская мать (или отец) отдаёт своему ребёнку по любви в десятки раз больше, чем она же должна была бы отдать ему по праву. Закон прежде всего должен быть записан в душе, а не на бумаге. Только тогда его выполнение не надо будет контролировать государственным аппаратом. Российская история давала блестящие примеры таких самореализующихся отношений. Современность же захлебнулась в попытке установления правовых отношений.

В XIX веке наша культура ещё сохраняла традиционную этику, тогда как в Западной Европе она была почти полностью утрачена. Почему?

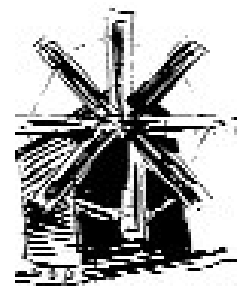
Во-первых, традиционная этика, хранящаяся крестьянской общиной, не подвергалась в России такому сильному воздействию со стороны власти имущих, как в Западной Европе. Царь Оратай в рус-

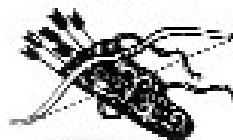
ском фольклоре — это царь-пахарь, подобный царю-пастуху (например, Давиду) в Ветхом Завете. Поэтому «барская» этика и крестьянская не были противопоставлены друг другу, а являлись неким единым взаимосогласованным целым. Иное дело в Европе: власть имущий там чаще всего был иного этнического происхождения относительно коренного крестьянского населения — он был завоеватель. Это порождало две совершенно различные системы этики, противопоставленные друг другу, находящиеся в состоянии постоянной и непримиримой борьбы. Результатом этой борьбы явилась хорошо разработанная правовая система, которой западный мир руководствуется и поныне.

Во-вторых, был ещё один фактор, заставлявший русского барина быть более «добрым», — это климатические условия в России. Если при наших шестимесячных зимах норма эксплуатации была бы такая же, как на Западе, то русский крестьянин просто вымер. «Добрый» русский барин был просто вынужден оставлять крестьянину большую часть его урожая, иначе он просто не дотянул бы до весны. Там, где использовали инородные методы ведения хозяйства, результат был плачевный: моры, уход в бега, бунты.

Естественно, что через некоторое время Россия испытала сильнейшее влияние иностранной этики. Особенно заметно это стало проявляться в городах. Город ныне подавил деревню, а это значит, что иностранная этика стала преобладающей. Это этика слуг, всегда недовольных своим положением.

Иван Ильин в книге «Путь к очевидности» писал: «*Путь меча есть неправедный путь, но нет такого духовного закона, что идущий через неправедность идёт к греху... Братся за меч имеет смысл только во имя того, за что человеку действительно стоит умереть. Добровольное допущение неправедности волею создаёт вину. Он принимает и вину своего решения.*

Принимает на себя не только бремя смерти, но и бремя убийства. Обременяет только напрасная вина. Перед лицом агрессивного злодейства нет идеального исхода. Выход — принятие своей личной несправедливости в борьбе со злодеем как врагом Божьего дела. Он не праведен, но прав. Христос учил не мечу, а любви, но ни разу не осудил мечу».

Итак, этический результат реального боя — это принятие на себя вины за возможное убийство человека, поправшего законы человеческие и Божьи. Только в этом случае ещё можно говорить о нравственности. Убивающий и нечувствующий на себе вины — это идущий через несправедливость к греху. Этот путь несовместим с нравственным совершенствованием. Участие в бою — это добровольный отказ от спасения, отказ от праведности. Но христианин, идущий на бой, принимает это — он не праведен, но прав. Он соприкасается со злом, вступает в него, проходит через него, но не к нему. «Кто станет сберегать душу свою, тот погубит её, а кто погубит её, тот оживит её».

Другое дело — мистерия русского кулачного боя. Его неагрессивная сущность исходит из неагрессивной сущности крестьянского труда. Максимум, на что рассчитывает крестьянин, — это на защиту самого себя, своей семьи, своей деревни, своей Родины и результатов своего труда. Русские эпические богатыри — это крестьяне-пахари. Крестьянин с точки зрения боевого мастерства всегда любитель, а не профессионал. Он не хочет воевать, он хочет возделывать свою землю, выращивать хлеб и жить мирно. И наоборот, любой вид боевого профессионализма может стать агрессивным.

Стеношный бой в отличие от дуэли формирует такие взаимоотношения, как *взаимодействие, взаимопомощь, взаимовыручку*. «*Взаимная помощь ведёт к сохранению особей с самыми разнообразными свойствами, как би-*

ологически сильных, так и биологически слабых; она содействует богатству и разнообразию жизни в целом. Многие из свойств, например утончённая умственная деятельность, далёкая от практических целей, эстетическое творчество и т.п., воплощают высшие ценности, сверхбиологические, и *затрата сил на осуществление их почти всегда связана с уменьшением способности к борьбе за существование*. Ясно отсюда, что *высшие формы жизни могут развиваться только в среде, где взаимная помощь широко развита. Взаимная помощь есть более мощный фактор эволюции, чем борьба за существование и вымирание неприспособленных к среде*», — писал П. Кропоткин (Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб.: Изд. Товарищества «Знание», 1907). Кропоткин на несколько десятилетий предвосхитил закон, сформулированный М. Шелером и Н. Гартманом: *чем более ценно какое-либо явление, тем более оно хрупко, тем более оно зависит от бытия, низшего по своей ценности*. Отсюда возникают бесчисленные драмы в нашей нравственной жизни.

Н. Бердяев считает, что в России не было рыцарства, давшего Западной Европе высшую форму этики. Эту форму рыцарства можно назвать индивидуальной аристократической. Действительно, такой формы рыцарства на Руси не было. А какая была? Мой ответ — такой формой «рыцарства» была коллективная этика традиционного общества. Как фактор эволюции эта форма, на мой взгляд, была более значимой, чем западно-европейская. Она охватывала гораздо большую часть населения, сплачивала его, была основой культурных отношений. Она захватила и больший временной промежуток и пережила западно-европейскую рыцарскую этику, которая уже во времена Сервантеса вызывала смех.

Осталось ли в нашей современности что-нибудь от традиционной этики?

Конечно, и пока ещё очень много. Прежде всего следы традиционной этики сохранились в русском языке. Она «притаилась» в столь часто употребляемых волшебных словах: *пожалуйста, простите, извините*. Только изменения нашего общества в сторону нетрадиционного не позволяют воспринимать истинный смысл этих слов. *Пожалуйста* имеет не столько смысл «пожалуй» (награди), сколько — «*пожалей*». Недаром служащие вплоть до XX века получали *жалование*, а не зарплату, ставшую сейчас в десятки раз в среднем меньше. *Извините* — избавьте от напрасной *вины*. Чувство вины, ответственности — одно из обязательных качеств духовного аристократизма. *Простите* — считайте меня невиновным, избавьте от греха.

При расставании надолго или навсегда мы говорим — *прощай*. *Прощение* — одна из основных заповедей Евангелия. Итак, *простите, пожалуйста* — *избавьте от греха, пожалейте*. *Извините, пожалуйста* — *избавьте от напрасной вины, пожалейте*. Главный мотив этих волшебных слов совпадает с традиционной этикой — это обращение к чувствам, к любви, к состраданию, к прощению.

Арсений Замостьянов

Не хотелось бы терять и опыт имперской послепетровской культуры — опыт российского Просвещения, на основе которого было создано огромное многонациональное государство. Одна из центральных книг древнерусской литературы называлась «Просветитель». Автором книги был игумен Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий, самый авторитетный идеолог для XV и XVI веков.

Просветителей XVIII—XIX веков интересовала иная проблематика. Они изучали и использовали позитивистскую сторону жизни, приравнивая русскую мысль к новейшим достижениям науки. Для русских просветителей (и самый яркий пример тому — М.В. Ломоносов) не было противоречий между установкой на технический прогресс и прагматизм в земной жизни и религиозным чувством. С одинаковой искренностью гений науки писал и «о пользе стекла», и «Вечернее размышление о Божьем Величестве». Сильнейший, плодотворный рациональный аспект народного характера требует самого серьёзного к себе отношения. Пытливость русского ума, тянущегося к учению и прогрессу, прославлена национальными героями, которые встали вровень с былинными богатырями и историческими ратными героями — М.В. Ломоносовым, Ю.А. Гагариным, сотнями учёных, инженеров и рабочих, создававших ракетный щит Отечества. Одной из опасностей последних лет стал расцвет мракобесия, опасного дилетантизма. Мы теряем честолюбивое стремление к победе, к успеху — и заслуживаем горькую аутсайдерскую участь.

Возвращение к традиционным ценностям начинается с семьи, с домашнего воспитания. Как мы видим, в переработанном виде фольклорные инструменты воспитания могут существовать и в школе — с первых «азбучных» шагов учащегося. История кулачного боя, многообразный метафорический смысл, который таится в этом старинном искусстве, — содержательный феномен, в котором смыкаются прошлое и будущее.

Москва

